

Поздней весной, едва отшумели затяжные дожди, внезапно нагрянули холода. Шитоу поежился, потирая покрывшиеся гусиной кожей плечи — рваное, едва прикрывающее тело тряпье совсем не спасало от сквозняка. Он окинул взглядом два десятка учеников, что замерли перед ним с мечами наголо, выстроившись послушно, словно камни на доске для вейци.

«С чего бы мне их бояться?» — проворчал он про себя.

Формацию Искоренения Зла школы Улин не являли миру уже несколько десятков лет. Во-первых, не рождалось еще столь отъявленных злодеев, ради которых стоило объединять силы всех учеников; во-вторых, поддержание этого построения требовало колоссального расхода духовных сил; а в-третьих, Формация Искоренения Зла сеяла вокруг слишком много смертей, что шло вразрез с волей Небес.

Каждый заклинатель на пути совершенствования стремился любой ценой избежать кармы. Кто-то для этого уходил в глухие леса, обрывая связи с суетным миром, кто-то — выжигал в себе чувства, отрекаясь от земных привязанностей.

Стоило Шитоу вспомнить слово «карма», как у него заныл лоб — словно к самой переносице приставили ледяное острие клинка. Он постучал согнутым пальцем по лбу и весело осклабился:

— Глава школы Сюэ, ваша школа Улин следует Дао Эмоций. Вы выше всего ставите долг и преданность, а оттого вам куда проще увязнуть в круговороте мести и навлечь на себя греховную карму. Не советовал бы я вам братья за эту Формацию Искоренения Зла. Ладно вы — в ваши-то почтенные года духовный рост давно замер, не жалко и остатки совершенствования спустить. Но ученики ваши еще совсем юные! Уговорите их смотреть на мир шире. Вся эта вражда — лишь пустой дым. Амитабха, спаси и сохрани...

Не успел Сюэ Линцзин открыть рот, как Цэнь Цихэ в ярости выкрикнул:

— Дерзость!

Глава пика Цэнь, благообразный и утонченный книжник, обычно изъяснялся мягко и вежливо, но сейчас его лицо так густо налилось краской, что он стал похож на кота, которому нечаянно наступили на хвост.

Шитоу хмыкнул и, повернувшись к стоящему рядом Лун-гэ, негромко заметил:

— Ну вот, видишь? Я же говорил. Каждое новое поколение мельче прежнего. Куда им с таким нравом в бессмертные метить.

— Шицзунь! — уязвленный Цэнь Цихэ повернулся к учителю.

Сюэ Линцзин лишь покачал головой:

— Желторотый юнец мелет чепуху, не трать на него слов.

Впрочем, ни единого слова из сказанного Шитоу он так и не оспорил.

— Убьешь одного — свяжешь другого, свяжешь одного — убьешь другого. В убытке и прибыли — порядок, в искоренении зла — закон. Биться до последнего вздоха, — неторопливо напел Шитоу.

Он лениво подошел к величественному изваянию Бессмертного владыки Улин, завел руку за спину божества и вытащил деревянный меч, покоившийся у того на поясе. Встав в простую стойку, он направил острие на Сюэ Линцзина и с улыбкой принялся считать:

— Один, два, три, четыре... двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять. Как думаешь, скольких мне придется уложить, прежде чем это построение меня стреножит?

Сюэ Линцзин процедил сквозь зубы:

— Двенадцать.

Едва прозвучало последнее слово, как ученик в синих одеждах, занимавший двенадцатую позицию, шагнул вперед. За его спиной сгустились двадцать четыре лезвия острой духовной энергии меча. С коротким выдохом он направил этот сияющий веер прямо в грудь Шитоу.

Шитоу, недолго думая, применил излюбленный прием — «отклонить тысячу цзиней четырьмя льянами». Его деревянный меч скользнул к запястью нападавшего. Тот даже не попытался уклониться, принимая удар в лоб. Деревянное лезвие с сухим треском опустилось на его ладонь между большим и указательным пальцами. Идеально слаженное кольцо формации на мгновение разомкнулось. Ученик, стиснув зубы, рванулся вперед, сокращая дистанцию.

Шитоу лишь усмехнулся. Прекрасно понимая замысел противника, он позволил ему приблизиться, а затем резко обрушил деревянный клинок на его шею. Убить такой игрушкой было невозможно, но пущенный в ход с достаточной силой порыв ветра оглушил бедолагу. Тот, словно храмовый деревянный барабан-муй, издал глухой звук и мешком повалился на землю.

В сияющем круге формации образовалась брешь. Но, как и говорил Шитоу, здесь действовал закон взаимозамещения: двадцать четыре призрачных клинка взмыли к небесам, а стоящие по обе стороны одиннадцатый и тринадцатый ученики мгновенно скрестили мечи, закрывая прореху. Рассыпавшиеся было искры энергии разделились, оборачиваясь сорока восемью смертоносными лезвиями. С яростным криком юноши направили этот шквал на Шитоу.

Порыв ледяного ветра взметнул полы его дырявого халата. Тряпки затрещали, обнажая

широкие полосы чистой кожи на груди, спине и плечах «Бессмертного Ши».

Странное то было зрелище: этот бродяга вечно ходил в грязном рванье и выглядел замарахой, но плоть его под лохмотьями оставалась белой и гладкой, точно у знатного господина. Сколько бы его ни колотили изо дня в день, на теле не оставалось ни единого шрама.

Глядя на летящие прямо в переносицу сорок восемь клинков духовной энергии, Шитоу возмущенно заверещал:

— Ах вы негодники из Персикового источника! Каков поп, таков и приход! Ваш Бессмертный владыка — тот еще сластолюбец, так и ученики его в бесстыдников пошли!

Язык его молот без умолку, но ноги двигались с невероятной быстротой. Сеть из сорока восьми воздушных лезвий стягивалась все плотнее, однако Шитоу уклонялся от них с легкостью мальчишки, прыгающего через скакалку.

— Ой-ёй! — вскрикивал он, уворачиваясь в одну сторону. — Ой-мамочки! — отпрыгивал в другую.

На слове «бесстыдники» его деревянный меч уже свистел перед лицами одиннадцатого и тринадцатого учеников. Короткий выпад прямо в межбровье — и два глухих хлопка оборвали их крики на полуслове. Юноши, точно подкошенные соломенные чучела, мягко осели на землю.

Из двух родилось три, из трех — четыре... В считанные вдохи количество мечей в формации возросло до семидесяти двух, а затем и до девяноста шести. Двор заполнила сплошная стена искрящейся стали — настоящая небесная сеть, сквозь которую не пролететь и комару.

Деревянный клинок в руках Шитоу после пары неловких блоков разлетелся в щепки. Оставшись без оружия, он принялся метаться из стороны в сторону, кувыркаясь по земле и шумно, с напускным трагизмом, причитать. Увернувшись от очередной вспышки, он вдруг замер, осененный внезапной мыслью. Пальцы его быстро сплелись в магический жест, и он привычно крикнул:

— Ко мне!

Это было Заклятие Призыва, которым он совсем недавно баловался, лежа в гробу. Память у «Бессмертного Ши» частенько отшибало, но эту простейшую технику бесконтактного похищения вещей он помнил всегда. В воздухе мелькнула смазанная черная тень. Шитоу широко расставил руки, готовясь поймать добычу... Вот только на сей раз к нему прилетел вовсе не веер и не драгоценный нефрит, а собственной персоной Цэнь Цихэ!

Глава пика Цэнь, чьи ноги оторвались от земли в мгновение ока, до последнего не мог взять в

толк: насколько же безграничны силы этого проходимца, если он способен притянуть к себе могущественного заклинателя, главу целого пика, словно обычную безделушку?

Шитоу и сам опешил на миг, но тут же расплылся в довольной ухмылке. Бесстыдно сгреб Цэнь Цихэ за талию и выставил перед собой живым щитом. Несколько раз щелкнув пальцами в воздухе, он небрежно отклонил летящие тому в лицо остатки энергии, после чего весело закричал прямо в ухо пленнику:

— Ну же, милый внучатный ученик! Поклонись дедушке-основателю в ноги за спасение жизни!

Лицо Цэнь Цихэ сделалось мертвенно-бледным:

— Убей меня... но не смей позорить!

Шитоу пропустил его стенания мимо ушей. Он бесцеремонно ухватил главу пика за щеки и принялся растягивать их в стороны, вереща тонким, плаксивым голоском, карикатурно подражая бедолаге:

— «Учитель, спаси-помоги! Дедушка-основатель разгневался! Сейчас он подвесит меня к потолку и отлупит по заднице!»

Ученики Улин побелели как полотно от такого неслыханного глумления. Пользуясь главой пика как живым щитом, этот нечестивец полностью парализовал работу формации — нападать теперь никто не решался. Смирив гордыню, юноши начали медленно отступать назад, открывая взору фигуру Сюэ Линцзина, неподвижно восседавшего в самом центре круга.

Глава школы сидел с закрытыми глазами, будто полностью отрешившись от мирской суеты. Его руки сошлись в сложной священной мудре: указательный палец левой руки был направлен к небесам, средний покоился поверх него, а остальные три пальца складывались в подобие лотосового лепестка над правой ладонью.

Шитоу сразу заметил на его ладони две сочащиеся кровью отметины от собственных ногтей. Он сокрушенно покачал головой, втайне гордясь собой: «Надо же, до какого исступления я довел самого Сюэ Линцзина! Ай да я, ай да молодец».

Благовония перед алтарем, растревоженные недавними порывами ветра, разгорелись с новой силой. Тонкая струйка сизого дыма устремилась строго вверх, исчезая в темнеющем небе.

Шитоу смешно сморщил нос, приняхиваясь, точно щенок. Внезапный зуд заставил его зажмуриться, и он, не успев прикрыться, от души чихнул прямо на воротник стоявшего вплотную Цэнь Цихэ.

Цэнь Цихэ застыл, лишившись дара речи.

В ту же секунду над внутренним двором взвыл яростный вихрь, разогнав последние остатки весеннего тепла. Тяжелые грозовые тучи мгновенно поглотили закатное солнце, и в сгустившемся полумраке оглушительно громыхнул первый весенний гром.

— Недостойный ученик Сюэ Линцзин дерзает взывать к вашему величию, — глухо заговорил Сюэ Линцзин, склоняясь в глубоком поклоне. — С малых лет принятый в лоно школы Улин и возвышенный милостью предков, в двадцать я принял бразды правления, а в тридцать овладел Веером Светлого Зеркала. Клялся я оберегать братьев своих и множить славу нашего имени. Но ныне над Улин нависла угроза гибели, и беда эта превосходит наши скромные силы...

Шитоу толком не понимал, к кому обращается старик, но по контексту догадался, что речь идет о нем самом. Он обиженно надул губы: «Да когда это я успел стать таким ужасным? И в мыслях не было громить вашу лавочку!»

— Шицзунь! — отчаянно воскликнул Цэнь Цихэ. — Подумайте еще раз!

Сюэ Линцзин на мгновение замер, но молитвы не прервал:

—... И пускай я обделен талантами, но не могу безучастно смотреть на гибель учеников моих и терпеть их позор. Вся школа Улин отрекается от земных благ и являет истинную чистоту помыслов! Молим тебя, Бессмертный владыка, яви свой лик в мире смертных, искорени скверну и избавь нас от грядущих бед!

Стоило его голосу затихнуть, как хор учеников подхватил следом:

— Молим тебя, Бессмертный владыка, яви свой лик в мире смертных, искорени скверну и избавь нас от грядущих бед!

Этот призыв громом прокатился над двором трижды, и в то же мгновение разверзлись хляби небесные — на землю хлынул неистовый ливень. Заклинатели высокого уровня обычно без труда могли защитить себя от непогоды, сотворив духовный барьер, но эта гроза пробила любую защиту. Вода мгновенно вымочила до нитки и два десятка учеников, и Сюэ Линцзина с Цэнь Цихэ.

«Ну надо же... призвать именно того, кого я боюсь больше всех на свете, чтобы извести меня...»
— догадался наконец Шитоу.

Впрочем, сокрушаться времени не было. Глядя в мутную лужу под ногами, он с ужасом замечал, как дождевая вода смывает с его лица грязь, делая кожу все белее и чище. Паника захлестнула его. Шитоу завертел головой в поисках какого-нибудь стола, под который можно было бы шмыгнуть, но Цэнь Цихэ мертвой хваткой вцепился ему в плечи. Глаза главы пика налились кровью, а на лице застыла решимость умереть прямо здесь.

— Послушай, приятель, — взмолился Шитоу, — отпусти! Я вовсе не тот, за кого вы меня принимаете! Клянусь, я самый обычный бродяга, не нужно ради меня устраивать такое представление!

Его никто не слушал. Небосвод расколола очередная молния, на мгновение залив все вокруг ослепительным серебряным сиянием. Раздался оглушительный взрыв. Глиняное изваяние божества посреди двора разлетелось на тысячи мелких осколков и каменную пыль. А там, где оно только что высилось, посреди клубов тумана соткался призрачный силуэт.

Все присутствующие, кроме ошарашенного Шитоу, разом вскинули головы и один за другим повалились на колени, соприкасаясь лбами с мокрой землей:

— Приветствуем тебя, Бессмертный владыка!..

Шитоу застыл на месте и лишь спустя пару секунд, поддавшись общему порыву, медленно поднял глаза.

Фигура парила невысоко над землей. Одежания призрачного гостя струились черно-белыми складками, напоминая размытые очертания туши на тонком шелке. На голове его высилась корона из алого нефрита, а обут он был в расшитые узорами облаков белые шелковые сапоги. В темных, глубоких, точно заброшенные колодцы глазах затаился едва различимый изумрудный блеск. Сейчас его веки были полуопущены, скрывая взор за густыми, черными, словно вороны крылья ресницами. Четко очерченный, прямой нос и тонкие, холодные губы довершали его облик.

Лицо это, совершенное в своей строгой красоте, казалось сошедшим с древних свитков. В его благородных чертах сквозило величие истинного небожителя — бесстрастное и пугающее. В отличие от пышного, расшитого золотом убранства разбитого идола, этот воин был облачен лишь в простые черные и белые ткани. Но за этим аскетизмом скрывалась такая сокрушительная, леденящая мощь, что он казался картиной, написанной твердой рукой великого мастера — всего несколько безупречных штрихов, впитавших в себя всю густоту черной туши.

Собравшиеся трепетали от благоговения и радости, и лишь лицо Сюэ Линцзина оставалось бледным. словно почуяв неладное, он всматривался в парящий силуэт с нарастающей тревогой.

Вспышка третьей молнии озарила его искаженное лицо. По двору прокатился испуганный шепот: призрачный силуэт Бессмертного владыки Улин начал медленно таять в воздухе, так и не удостоив молящихся во дворе даже мимолетным взглядом.

Сюэ Линцзин вздрогнул всем телом и, согнувшись пополам, шумно выплюнул сгусток багровой крови.

«Непочтительное приглашение божества», — внезапно всплыли в памяти Шитоу эти слова.

Это означало лишь одно: призванный небожитель счел ритуал неуместным или неподобающим и просто решил уйти, проигнорировав мольбы. Вряд ли глава школы допустил ошибку в обряде; скорее, высокомерный бессмертный проявил своеобразие, посчитав ниже своего достоинства вмешиваться в дела смертных.

Однако для призывателя подобный отказ оборачивался страшной карой.

Шитоу приподнялся на цыпочки, силясь разглядеть Сюэ Линцзина. Тот распластался на мокрых камнях; из его рта непрерывно хлестала кровь, а внутренняя духовная энергия стремительно иссякала, увядая, точно сухая трава.

Шитоу отвел взгляд и принялся крутить в пальцах обломок деревянной рукояти. Промокшие волосы облепили его лицо. Никто не знал, о чем он думает, но стоило силуэту Бессмертного владыки прийти в движение, готовясь раствориться в набегающих сумерках, как Шитоу внезапно подпрыгнул высоко вверх и с силой замахнулся оставшейся щепкой, целясь прямо в шею небожителя!

Свидетели этой безумной выходки онемели от ужаса. Никто не мог взять в толк, зачем этот сумасшедший добровольно прыгает в пасть преисподней, когда судьба подарила ему шанс спастись. В ту же секунду Бессмертный владыка резко распахнул глаза. В их изумрудной глубине сверкнула холодная серебряная искра. Обрубок меча в руках Шитоу словно наткнулся на невидимую преграду и с сухим треском рассыпался мелкой пылью.

Поглядев на свою пустую ладонь, Шитоу глуповато и виновато улыбнулся, точь-в-точь как ребенок, которого поймали за кражей сладостей.

Божественный гость шевельнулся. На земле Сюэ Линцзин перестал кашлять и из последних сил приподнял голову. Он заворуженно наблюдал, как тонкий, бледный палец небожителя медленно опускается прямо к переносице Шитоу.

Никто из присутствующих не смел недооценивать этот простой жест. Легенды гласили, что Бессмертному владыке Улин хватало одного прикосновения пальца, чтобы сокрушать горы и обращать вспять бурные реки. Одним легким движением он мог сровнять с землей целое царство, а уж обратить нечестивого наглеца в пыль для него и вовсе не стоило труда.

Заклинатели затаили дыхание, боясь упустить миг божественной расправы. Лишь несколько совсем молодых учеников в ужасе зажмурились, не желая видеть кровавую баню.

Раздался негромкий щелчок.

Палец небожителя легко коснулся отмытого дождевой водой чистого лба Шитоу.

И наложил на него Заклятие Обездвиживания.

<http://bllate.org/book/18360/1798411>